

НИЩИЕ ДУХОМ

(поэт Зинаида Миркина
и философ Григорий Померанц)

Нищий духом — человек,
который никогда не насыщается Богом,
всегда жаждет, всегда вбирает.

Зинаида Миркина

«Блаженны те, которые
опустошили себя перед Богом
и Бог наполнил их».

Григорий Померанц

Борис Чичибабин свои размышления «Мысли о главном» начинает так:

«Да будут первыми словами этих моих раздумий на бумаге /.../ слова благодарности и любви. В начале 70-х судьба подарила мне близкое общение с двумя замечательными людьми — Зинаидой Александровной Миркиной и Григорием Соломоновичем Померанцем, вечное им спасибо!.. Сейчас имена Миркиной и Померанца стали известны многим, а тогда, особенно если учесть, что жили мы далеко друг от друга, в разных городах, найти их и обрести в них родных и близких людей было чудом. На протяжении нескольких лет они были моими духовными вожаками...» [1].

Так же, как и Бориса Алексеевича, их творчество «зацепило» многих — как искра, которая обжигает на лету. И, подобно поэту, они старались выйти на прямой контакт с авторами, чтобы выразить свое восхищение и благодарность. Нередко завязывалась переписка.

«Очень важно общение с людьми, способными /.../ поставить мировоззрение, как певческий голос, ибо человек, словно камертоном, выверяет своим мировоззрением жизнь», — пишет в газете «Околиц@» их давняя почитательница из города Верхняя Пышма (Россия) Ирина Елисеева [2].

Среди корреспондентов З. А. Миркиной и Г. С. Померанца немало тех, кто считает себя их духовными детьми. Они живут в России, США, Норвегии, Германии... Есть такие и в Харькове. Та незримая церковь, тот духовный оазис, который создали вокруг себя Зинаида Миркина и Григорий Померанц, продолжает расти. Слушатели семинаров и лекций, которые они проводят, читатели их книг, посетители необычайных спектаклей-сказок на дому у ёлки — все они стали жителями одной страны, в которой чем больше людей, тем больше простора и света.

Предоставим опять слово Борису Алексеевичу:

«...Если он [Григорий Соломонович] останется в моих глазах примером свободного и бесстрашного интеллекта, то она, Зинаида Александровна, на всю мою жизнь будет для меня совершенным воплощением просветленной религиозной духовности, может быть, того, что верующий назвал бы святостью. Величайшим счастьем моей жизни были их беседы... Это был не диалог, а как бы выходящий по спирали двухголосый монолог одного целостного духовного существа, из снисхождения к слушателю, для удобства восприятия и ради большей полноты, разделившегося на два телесных — женский и мужской — образа. Таким же счастьем было слушать Зинины стихи... Это было вроде авинизовой Псалтыри или, еще лучше, единой непрестанной молитвы со множеством разветвлений и вариаций... Это было похоже на чудо, в моем представлении так творили Микеланджело, Бах, Моцарт — великие гении и послушные «Божьи ремесленники»...» [1].

*С какой любовью мир творится!
Тварь божья... Как ни назови —
цветок, деревья, зверь и птица —
мы все родимся из любви.*

*Как точно к цветку цвет подобран,
так, как моя душа к твоей...
как терпеливо, как подробно
сплетается узор ветвей!..*

*...И кто сумеет хоть однажды
постичь всю эту красоту,
тот чувствует, что вздох наш каждый
и каждый волос на счету.*

*И появляется свобода,
с которой всякий труд — не труд,
с которой шествуют по водам
и на распятие идут.*

*И в пустоте уже не пусто,
и воскресенье во плоти
приходит, как шестое чувство,
как продолженье тех пяти...*

*И если есть еще тревога,
она о том, как бы во сне
и в мыслях не обидеть Бога,
предавшегося в руки мне.*

Об этой необыкновенной паре теперь появились статьи, телепередачи, документальные фильмы, большое количество интервью, тысячи ссылок в Интернете. Стихи Зинаиды Миркиной, философские эссе и лекции Григория Померанца, их совместные труды малодоступны в Украине, но в России их активно издают. Много публикаций и за рубежом.

Но так было не всегда. Зинаида Александровна всю жизнь писала «в стол» (за исключением переводов, пополнивших собой «Библиотеку Всемирной Литературы»), и только с начала 1990-х годов, благодаря спонсорской поддержке почитателей, стало возможным издание ее произведений. Вот как отзывался о ее стихах Александр Хабинский, спонсировавший издание многих книг Зинаиды Миркиной:

«Эти стихи дают вертикальное измерение каждому мигу... В них — отражение всей мировой культуры, особенно духовной, но для восприятия они этой культуры предварительно не требуют, ибо отражают не культуру, а источник, которым она светится. Каждым стихотворением можно воспользоваться, как воздушным шариком, чтобы полететь в нужную сторону; чтобы вознестись на столько секунд, сколько хватит духу. При этом они негромки, как Дух. Есть люди, любители поэзии, которым они ничего не говорят, даже раздражают. Такие любят “новое”. Есть поэзия, которая хочет по-новому сказать о старом и всем известном. А тут поэзия другого измерения: она говорит о почти неизвестном — в этом ее новизна» [3].

Юлий Шрейдер в статье «Свет глубин» («Литературное обозрение», 1990, № 11) отмечает:

«В стихах Зинаиды Миркиной нет никакого психологического “мусора”, который так любезен романтикам и модернистам. В них нет болезненной тоски по недодаденному счастью, недоразделенной любви или недостижимой социальной справедливости. Природное — это только вместе с духом» [4].

Григорий Соломонович Померанц был для советской печати «персона нон грата». Первые его книги вышли за рубежом. Он, являясь одной из знаковых фигур неофициальной отечественной культурной жизни 1960–1970-х годов, поддерживал отношения с инакомыслящими различных направлений, участвовал в неофициальных научных семинарах. Позднее

А.Д.Сахаров писал в своих «Воспоминаниях» об одном из таких семинаров, который собирался на квартире В. Ф. Турчина¹:

«Наиболее интересными и глубокими были доклады Григория Померанца — я впервые его тогда узнал и был глубоко потрясен его эрудицией, широтой взглядов и “академичностью” в лучшем смысле этого слова... Основные концепции Померанца: исключительная ценность культуры, созданной взаимодействием усилий всех наций Востока и Запада на протяжении тысячелетий, необходимость терпимости, компромисса и широты мысли, нищета и убогость диктатуры и тоталитаризма, их историческая бесплодность, убогость и бесплодность узкого национализма, почвенности» [5].

А вот как воспринял работы Г. С. Померанца, ходящие в самиздате, В. В. Игрунов², участник диссидентского движения, российский политический деятель:

«Как-то в 68-м году мне в руки попала сразу большая куча самиздата, я был ужасно счастлив и, конечно, кинулся это все читать. И среди того, что было в этой куче, был текст под названием “Нравственный облик исторической личности”³, принадлежавший тогда для меня совершенно незнакомому автору, Григорию Померанцу. Я должен сказать, что эта статья произвела во мне совершеннейший переворот. Это не связано с тем, что, может быть, она открыла новые представления. Нет, напротив, я узнал то, что чувствовал сам, но как бы не мог сказать. Мне не хватало слов, не хватало культурных оснований для того, чтобы сформулировать те мысли, которые я узнал там как свои... Это писал мудрый, умный человек... который сформулировал принципы, которые остались со мной на всю жизнь. Книга Григория Соломоновича Померанца “Неопубликованное”, которую я получил год спустя, просто стала моей хрестоматией, стала самой любимой книгой самиздата за все время, что я читал» [6].

В рамках статьи невозможно, да мы и не ставим своей целью рассказать обо всей жизни З. А. Миркиной и Г. С. Померанца, осветить все их творчество. Но отведенное пространство хотелось бы как можно полнее насытить их мыслью и чувством, «где так беззвучна высота, что ясно слышен голос Божий».

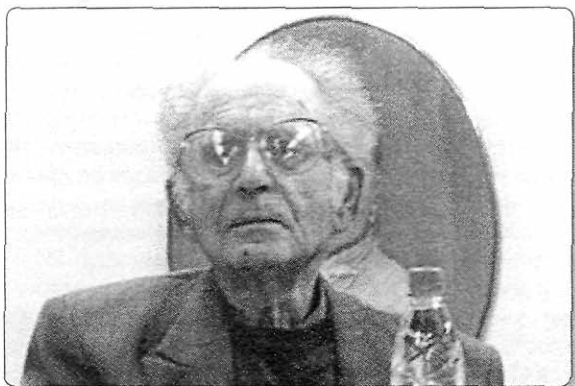
Поэтому приведем их краткие биографии, некоторые высказывания и стихотворения — как штрихи к портрету, а затем полностью предоставим слово им самим. Некий коллаж из произведений, интервью, переписки. Создадим атмосферу того «двухголосого монолога», о котором говорил Борис Чичибабин, точнее, диалога, потому что иногда будут звучать и другие голоса.

¹ Турчин Валентин Федорович (р. 1931 г.) — известный физик и кибернетик, создатель языка Рефал (язык программирования), правозащитник. С 1977 г. живет в США.

² Игрунов Вячеслав Владимирович (р. 1948 г.) — депутат Государственной думы Российской Федерации первого-третьего созывов (1994-2003), директор Института гуманитарно-политических исследований, руководитель Общественного совета украинско-российского сотрудничества.

³ Под таким названием в самиздате ходил доклад Г. С. Померанца “О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива”, прочитанный в 1965 г. в Институте философии АН СССР.

Помещен на сайте: antology.igrunov.ru/authors/pomerants/moral_image.html

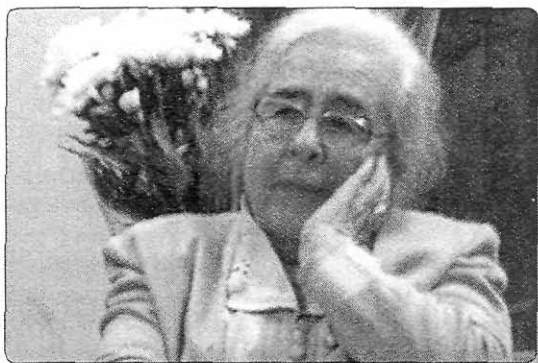

Григорий Соломонович Померанц, философ, культуролог, востоковед, один из крупнейших мыслителей современной России, родился в г. Вильно (Вильнюсе) 13 марта 1918 г. в семье бухгалтера и актрисы. С семи лет живет в Москве. В 1940 г. окончил отделение русской литературы Института истории, философии, литературы (МИФЛИ). Студенческая работа Померанца о Достоевском была оценена преподавателями как антимарксистская, кандидатская диссертация уничтожена после его ареста в 1949 г. как «документ, не относящийся к делу». Работал преподавателем Тульского пединститута в 1940–1941 гг. В начале войны пошел на фронт добровольцем, был военным корреспондентом, прошел путь от Сталинграда до Берлина, был дважды ранен. В 1946 исключен из ВКП(б) за «антипартийные заявления». В 1946–1949 гг. работал в тресте «Союзэнергомонтаж», киоскером «Союзпечати». В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В 1950–1953 гг. — заключенный «Каргопольлага» (осужден на пять лет, освобожден после смерти Сталина), реабилитирован в 1956 г. В 1953–1956 гг. — сельский учитель в станице Шкуринской Краснодарского края. Вернувшись в Москву, работал библиографом в Библиотеке иностранной литературы и отделе стран Азии и Африки ФБОН АН СССР (с 1969 — ИНИОН). Печатался преимущественно в самиздате и тамиздате (в советской печати с 1976 года был запрещен). Ныне — член Русского ПЕН-Центра. Награжден премией фонда «Знамя» (1993). Автор ряда работ, ставших крупными событиями в культурной жизни СССР и СНГ. За рубежом изданы книги: *Сны Земли*. Париж, 1958; *Неопубликованное*. Франкфурт-на-Майне, 1972; *Открытость бездны. Этюды о Достоевском*. Нью-Йорк, 1989 (послесловие Б. Хазанова). Печатался в эмигрантских изданиях: «Грани», «Континент», «Синтаксис», «22», «Страна и мир». В новой России один из наиболее широко публикуемых в периодике авторов — философов и эссеистов. Издал книги: *Открытость бездне. Встречи с Достоевским*. М., 1990; *Собирание себя: Курс лекций, прочитанных в Университете истории культур*. М., 1993; *Лекции по философии истории*. М., 1993; *Огонь и пепел: Духовный путь Марины Цветаевой* / З. А. Миркина; *Лекции по философии истории* / Г. С. Померанц. М., 1993; *Выход из транса*. М., 1995; *Великие религии мира*. М., 1995 (в соавторстве с З. А. Миркиной); *перезид*. М., 2006; *Опыты философии и культурологии*. М., 1995; *Страстная односторонность и бесстрастие духа*. М.: СПб, 1998; *Тринитарное мышление и современность (совместно с М. Курочкиной)*. М., 2000; *В тени Вавилонской башни*. М., 2004 (в соавторстве с З. А. Мир-

киной); Следствие ведет каторжанка: (Расследование убийства Кирова, проведенное О. Г. Шатуновской). М., 2004; Невидимый противовес: Лекции, прочитанные на рубеже веков. М., 2005 (в соавторстве с З. А. Миркиной); Дороги духа и зигзаги истории. М., 2008. Совместно с З. А. Миркиной выпустил авторский номер журнала «Русское богатство» М., 1994. №2 (6). Опубликовал мемуары: Записки гадкого утенка. М., 1998 (переизд. в 2003).

Высказывания:

- «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость...»
- «Войны никогда не велись во имя зла. Только во имя своего понимания добра».
- «Темное облако, из которого на нас сыплются молнии, создали мы сами. Наше дыхание творит атмосферу, в которой начинается событие».
- «Каждому из нас даны только осколки истины, и бессмысленно спорить, чей осколок больше».
- «Нельзя служить Богу на языке преисподней».
- «Если бодисатва махасатва подумает о себе: я бодисатва махасатва — он в тот же миг перестает быть бодисатвой махасатвой».
- «Приходится брать на себя тяжесть действия, тяжесть выбора между «надо» и «надо», грехом и грехом».
- «Счастье — не кошелек на дороге. Оно открывается изнутри, и чтобы оно открылось, нужно было все прошлое, все неудачи, в которых сбывалась душа».
- «Патриотизм — это гордость за свой народ и стыд за свой народ. Национализм — это гордость без стыда».
- «Стиль полемики важнее предмета полемики, важнее правоты в споре».

Зинаида Александровна Миркина — поэт, переводчик, писатель. Родилась в Москве 10 января 1926 г. в семье инженера, сооснователя союза учащихся-коммунистов (Баку, 1919 г.). Мать — экономист. В эвакуации З. М. работала в совхозе. Училась на филологическом факультете МГУ (1943-1948). Защитила дипломную работу, но не смогла сдать госэкзамены из-за тяжелой болезни. Пять лет провела в неподвижности. С трудом научилась заново ходить и писать стихи. Девятнадцати лет (за год с лишним до болезни) пережила явление, подобное фаворскому свету. Вера помогла ей «поднырнуть под болезнь» и вернуться к активной творческой деятельности. С середины 1950-х гг. начала переводить; наиболее заметные работы — переводы суфийской лирики (первые напечатаны в 1975 в том «Арабская поэзия средних веков» серии «Би-

блиотека Всемирной Литературы»), Тагора, Рильке. В 1960 г. произошла ее встреча с Григорием Померанцем, ставшим впоследствии ее мужем. Вместе они написали ряд книг (см. выше). Вместе ведут религиозно-философский семинар. З. М. публикуется в периодических изданиях. Участник объединения духовных поэтов «Имени Твоему», член Союза писателей Москвы. Опубликованы книги Зинаиды Миркиной: Святая святых: Эссе. Стихи. Алма-Ата, 1990; Сказки. М., 1991; Три оленя: Сказки. Алма-Ата, 1991; Истина и ее двойники: Эссе. М., 1993; Зерно покоя: Избранные стихи 1991-1993 гг. М., 1994; Потеря потери: (Стихи). М. 1991 (переизд. М., 1996; М., 2001), Дослушанный звук: Избранные стихи. М., 1995; Озеро Сариклен: Повесть. М., 1995; У костра гномов: Сказки. М., 1996 (переизд. М., 2000); Мои затишья: Избранные стихи 1994-1998. М., 1999; Невидимый собор: О Рильке. Из Рильке: [Переводы]. О Цветаевой. Святая святых. СПб., 1999; Прозрачный час. Архангельск, 1999; Один на один: Избранные стихи 1999-2000. М., 2002; Нескончаемая встреча: Стихи и поэмы. М., 2003; Из безмолвия: Избранные стихи 2002-2004. Кн.1. М., 2005; Негаснувшие дали: Избранные стихи 2002-2004. Кн. 2. М., 2005; Негасимые огни: Сказки. М., 2005; Проникновение света: Избранные стихи 2005, 2006 и начала 2007 гг. М., 2008; Избранные эссе: Пушкин, Достоевский, Цветаева. — М.: Модерн, 2008. (Сер. «Humanitas»).

* * *

*Не тот, кто говорит со мной,
приносит мне благие вести,
а тот, кто словно дух лесной,
как свет, молчит со мною вместе.*

*Кто, позванный на тайный пир,
как чашу разопьет со мною
молчанье глубиною в мир,
молчанье в сердце глубиною.*

*Поэзия — не гордый взлет,
а лишь неловкое старанье,
всегда неточный перевод
того бездонного молчанья.*

* * *

*Круженье над тайной...
Всё ближе и ближе.
Всё уже и уже круги.
Я чувю, вдыхаю, я слышу, я вижу —
Вот там, где не видно ни зги.
Да нет, не во сне, не в догадках — воочью.
Почувствовав в небе упор,
Находит душа сокровенную точку,
Из коей родится простор.
Ну вот он раскрылся — великий, бескрайний —
Всем виден, всем ясен — гляди!
А тайна осталась глубокою тайной,
Но вся уместилась в груди.*

О встрече

З.М. ...Была уверена, что проживу жизнь одна, так как не встречала души, живущей на той же глубине. И я знала, что мое одиночество, мое счастье через муку и свет через тьму, мое преодоление муки и тьмы нужно множеству страдающих душ.

Я встретила Григория Соломоновича, когда мне было 34 года, а ему 42. Он незадолго перед тем потерял горячо любимую жену Иру (умерла на операционном столе) и не мог примириться с этим, понять Бога, который это делает. Его привезла одна знакомая ко мне на дачу слушать мои стихи... Это была поразительная встреча, встреча на Той самой глубине. До сих пор никто меня **так** не слушал. Сам он не уставал говорить потом в разных своих писаниях, что для него это было второе рождение. Он вдруг понял, что Бог не высший судья, а тот, кто живет в нас, неотделим от нас, что Он страдает в каждом страдальце, что не Бог нас мучает, а мы — Бога.

Г.П. Первое ее стихотворение, которое я услышал, — “Бог кричал”, произвело на меня огромное впечатление. Бог в этих стихах страдает вместе со всеми, кто страдает, с каждой страдающей тварью. Бог представлял как соучастник моего страдания, а я как соучастник Его вечности и его творческой силы. Стихотворение заканчивается так:

*Он всемогущ. Он болезнь оборет, —
Вызовет из огня
Душу мою, или, взыв от боли,
Он отсечет меня.
Пусть. Лишь бы Сам, лишь бы смысл Вселенной,
Бредя, не сник в жару...
Нет! Никогда не умрет Нетленный —
Я за Него умру.*

З.М. Он был потрясен стихами, я — его способностью слышать, а еще ... его способностью любить, его огромной любовью к Ире. Я, может быть, и полюбила его за эту любовь. И в то же время знала, что он **должен** услышать и увидеть меня. И — совсем парадоксальная вещь для всех, кто смотрит извне, — для Иры нужно, чтоб он услышал и увидел меня до конца. Дело в том, что я ведь была уже сквозная, и увидеть меня значило увидеть нечто **через** меня... Он увидел.

Г.П. Я сразу почувствовал при первой встрече с Зиной, что она продвинулась больше меня, и чувствую это до сих пор. Мы постепенно стали сближаться, и на волне нарастающего сближения полетели первые ласточки моих эссе: «Пух одуванчика» и «Язык богов». Я чувствовал, что Зина, как саламандра, умеет жить в огне. Я не умел. Я только любил огонь и тянулся к нему. Когда мы сблизились, я сказал: ты нашла себя в том, как пишешь, а я только в том, как живу, как люблю. И мне показалось, что с меня этого хватит, я не страдал оттого, что не пишу. Я просто хотел глубже и глубже жить. Вдруг от случайного толчка — заказана была статья... — пошли «Две модели познания». И потом — один текст за другим.

Хорошо помню, как «Две модели» выталкивала из меня весна света в Рублевском лесу. Незаметно для себя я стал смотреть на деревья Зини-

ными глазами, прислушиваться к ритму ветвей с любовью и откликаться, как птицы, своими словами, — но на напев, подсказанный Богом, который высказался в соснах, снеге, солнечном свете.

О счастье

Г.П. Самое общее во всех случаях счастья, которое я пережил, — это, кажется, творческое состояние. Есть, однако, еще нечто высшее. Святой Силуан⁴ говорит в своих записках: «Я пишу, потому что со мной благодать. Но если бы благодать была большей, я бы писать не мог». В сверхтворческом состоянии нет никакого стремления, никакого усилия, ничто не творится, но преобразается душа самого творца. Это не его творчество. Он здесь глина в чьих-то руках... Я думаю, слово «счастье» неприменимо к таким состояниям; скорее — блаженство.

З.М. Возможно ли личное счастье? Более 40 лет мы вместе и счастливы этим бесконечно. Но вот в чем парадокс: сначала я научилась быть счастливой без того, что называют личным счастьем, в одиночестве, а потом пришло и личное счастье. Оно возможно, когда оно вторично по отношению к счастью единения с Богом.

*Моя правота перед Богом лишь в том,
Что сердце мое утопает в твоём.
Умолкает совсем глубоко на дне,
На такой невиданной глубине,
На которой уже невозможен грех.
Там себе не берут ничего.
Я обнимаю тебя одного,
А сердечный мой жар обнимает всех.*

Г.П. Счастье — это не суррогат жизни. Это сама жизнь, открытая глубине, со всеми ее бедами, но и с той силой, которую дает глубина. Бог, скрытый в глубине, не страхует нас от несчастий, но Он дает силу переносить несчастия и, потеряв все, начинать жизнь заново. Продолжая путь, мы опять должны войти в темное ущелье, но знаем, что выйдем снова на свет и обрадуемся свету, и эту радость будем нести сквозь тьму — до следующего взрыва света.

З.М.

*Летний день или весенний,
Певчий дрозд иль соловей,
Счастье — это единенье
С вечной сущностью своей.*

*Утро или ясный вечер —
Птичий гам наперебой,
Ликование от встречи
Не с другим — с самим собой.*

⁴ Силуан Афонский (в миру — Семён Иванович Антонов (1866–1938) — монах Константинопольского Патриархата русского происхождения, святой Православной Церкви.

*Крепче пунша, крепче грога
Искромётное вино.
Счастье — наполненье Богом.
Ты и я сейчас — одно.*

О работе любви

Г.П. ...Права молния любви, соединяющая человека с истиной или двух людей — в общем чувстве. Но молния не длится годами. Нужна работа любви, как выразился Рильке, превращение пути, по которому прошла молния, в надежный провод... Путь мудрости не отвергает страсти, но сдерживает ее до решающего выбора любви, захватившей сердце, принимая ее сразу же, как служение и как долг, и отвергая прихоти, капризы. На этом пути мужчина для женщины, а женщина для мужчины становятся образом и подобием Бога, а прикосновение друг к другу — причастием.

«Работа любви» кажется странным сочетанием слов. Естественнее сказать *свобода любви, поэзия любви*, наконец — *музыка любви*. Естественнее, потому что мы воспринимаем любовь, прежде всего, как встречу мужчины и женщины.

Судьба незаметно проделывала со мной работу, необходимую для любви. Сперва на войне, захватывая страхом и победой над страхом, втягивая в сердце душу, слишком переместившуюся в голову. Мне открылся мир простых радостей: солнца в синем небе в перерывах между боями, печурки в блиндаже, письма от девушки... Но я все еще был слишком полон собой. Освободил меня от этого груза лагерь... Решающим был один смешной случай. Мы бродили от вахты к столовой и от столовой к вахте и беседовали. Виктор очень мягко, вежливо и долго объяснял, что его ум обладает и способностью философствовать, как я [Г.П.], и одаренностью в позитивной науке. Женька (моложе нас на 11 лет — тогда это значило: на треть жизни) молча слушал, а потом коротко сказал: «А я думаю, что я всех умнее». И вдруг я с ужасом почувствовал нелепость положения: я ведь тоже считал себя умнее всех.

Мы подошли к уборной, зашли в нее. Через очко было видно, как в дерьме копошатся черви. Вспомнил Державина: я раб, я царь, я червь, я Бог. «Что за безумие, — подумал я, — как у Гоголя в «Записках сумасшедшего». Каждый интеллигент уверен, что он-то и есть Фердинанд VII». Я почувствовал себя обязанным сказать и сказал: ну что ж, оставляю вас двоих спорить за первое место, а себе беру второе. Сказал и почувствовал такую боль, словно ножом вырезал из себя тщеславие. Впоследствии мне пришлось читать у Достоевского, что самое важное в жизни — найти в ней второе место после Бога. После любимого. Это понимание очистило место для любви.

З.М. Обычно люди, стремясь друг к другу, бегут от самих себя, пугаются одиночества и попадают в ту тесноту духовную, в ту зависимость, которая переходит во вражду, в ненависть. Каждый отстаивает свое собственное ограниченное «я». Хочет другого скопировать по своему образу и подобию. Каждый отнимает у другого пространство. Вот почему герой Рильке, Мальте-Лауридс Бриге, бежит от тех, кто любит его, и говорит парадоксальные на первый взгляд вещи: «Как плохо тем, кого любят...».

Слово «любящий» у Рильке становится существительным и противопоставляется любимому. Тот, кто по-настоящему любит, не может любить безответно. Ответ, когда это нужно, приходит не извне. Ответ находится в нем самом, в той полноте души, которая и есть подлинная совершенная любовь.

Г.П. Работа любви — это соблюдение первое заповеди (всегда помнить). Это собирание себя под образом любви, чтобы не оставалось никакой почвы для столкновения самолюбий, для раздражения, срывов, ссор. А если нечаянно случилась ссора — спохватиться и собраться и помириться еще до вечера. Любовь углубляет жизнь, и углубление жизни открывает дорогу любви.

О ёлке

Борис Чичибабин. В этом доме на Рождество устраивалась ёлка, — но что это была за ёлка! Специально для неё Зинаида Александровна писала сказку, каждый год — новую... Ёлка затейливо украшалась персонажами и образами написанной сказки. Её ставили в ведро с мокрым песком, она стояла неделями, долго, для того, чтобы на неё можно было пригласить друзей с детьми, близких, знакомых, всех, кто хотел послушать сказку, а таких всегда было много, а комнатка — маленькая, и таинство повторялось несколько вечеров... Сказка была с приключениями и тайнами, с ненавязчивым религиозным смыслом, долгой, высокой, доброй, празднично-светлой, как рождественская ёлка. Сколько людей побывало на этих вечерах, прослушало Зинины сказки, сколько детей, давно уже ставших взрослыми, научились из них правдолюбию, солидарности, благородству, добру!.. Я убеждён, что тот, кто хоть раз бывал на Зининой ёлке, не забудет её, благодарный, пока живёт на земле [1].

З.А. Елку я создаю столько же времени, сколько Господь Бог создавал мир по библейскому мифу — то есть 7 дней (а иногда и больше), и это лучшее мое произведение за год. Это создание Гармонии, видимой воочию. Физически сделать это уже бесконечно трудно, уже почти непосильно. Но потом гармония ёлки лечит меня саму, хотя начинается напряженнейший период: каждый год на ёлке рождается новая сказка. На ёлке 8 царств, то есть разных освещений. К сказке записывается музыка. Григорий Соломонович сидит у магнитофона и включает ее в нужных местах. Ёлка стоит в воде и, как правило, пускает ростки, и около двух месяцев длятся эти домашние спектакли. Для меня это вовсе не спектакли, а — не побоюсь этого слова — богослужения. Так я это ощущаю. Как-то совершенно открывает-

ся душа, и в это открытое пространство я вовлекаю тех, кто смотрит и слушает... Это самый популярный вид моего творчества, и наша маленькая хрущевская квартира никак не может вместить всех желающих.

Вот одна из этих сказок. Написана как отклик на то, что у сына друзей покончил с собой его друг. Сказку пришли послушать мать погибшего друга и еще одна женщина, у которой умерла единственная дочь. Когда сказка кончилась, обе заплаканные матери подошли ко мне с двух сторон, стали целовать и благодарить.

Главный герой сказки, Тим, попал в царство Глубин, где ничего не случается — ничего нет случайного. Там всё есть, и то, что уходит из глаз, не уходит из Глубины, в которой творится мир. В эту Глубину уходят звуки, когда кончается Музыка, уходит Свет, когда гаснет Светило. Эта Глубина — небесный Иерусалим, который не нуждается во внешних светильниках, ибо светится изнутри.

Человек, уходя из плотного мира, делается прозрачным, и от него остаётся или свет, или тьма. Внутренний свет меркнет от страха, раздражения, желания первенствовать. Внутренний свет — основу мира — можно поддерживать или гасить.

С Тимом случилось то, что случилось, потому что тьма, оставленная многими и многими, настигла его, и он не смог уравновесить её светом. И облачко тьмы, оставленное им, может через неисчислимые сроки настигнуть кого-то другого. Поэтому надо уравновесить тьму светом. Собрание внутреннего света, **который один на всех**, — вот единственное, что можно сделать для Тима и за Тима. И это труднейшее дело оставлено нам.

*В часы блужданий без дорог,
утраты горькой
что может дать молчащий Бог?
Себя — и только.*

*Что может дать душе ольха,
склоняясь к рябине?
Покой серебряного мха
и тёмных линий.*

*Стволы, увитые плющом,
небес просветы...
Ты хочешь что-нибудь еще?
а есть лишь это.*

*И бьются бедные слова
о бедность истин,
и покрывается трава
слезами листьев.*

*Их медленным круженьем весь
простор укачен.*

*Твоё бессмертие вот здесь
молчит и плачет.*

*В часы блужданий без дорог,
утраты горькой
что может дать молчаливый Бог?
Себя и только.*

*Но для тебя Он слишком прост, —
душа мечтала
о большем... От земли до звёзд —
ужели мало?*

Об отчаянии

З.М. В детстве, когда я читала «Двух капитанов» Каверина, я была в восторге от эпиграфа: «Искать, идти, найти и не сдаваться». Много позже прочтала у Ромена Роллана исходное выражение, переделанное Кавериним в духе соцреализма. Исходное такое: «Идти. Искать. Не найти. И не сдаваться». Два «не». И в них — бездна... Я как-то всей собой твёрдо знала, что отчаиваться никогда нельзя. Это было знание, добытое из собственной глубины, не откуда-нибудь извне. Очень твёрдое знание. Много лет спустя я прочла у Силуана: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся». А потом и дзенское высказывание: «Дзен не о том, как выигрывать, а о том, что всё равно, выиграть или проиграть». Да, есть что-то, что глубже ада, гораздо глубже отчаянья, что-то, что, может быть, совсем не решит наши «проблемы», а перечеркнёт их.

*Мне хорошо, хоть я стою
Сейчас у жизни на краю.
Мне хорошо, хоть боль моя
Давно ушла за все края.
Мне хорошо сквозь гущу слез
От высоты моих берез,
От тишины моих елей,
От шепота сосны моей.
Как Бога ты ни назови,
Но если грудь полна любви,
То значит Бог в нее вошел.
И, Боже, как мне хорошо!*

З.А. Счастье познается в глубоком созерцании, когда душа досматривает мир до Бога (до Сути своей) и перерастает страдание, как Христос перерос смерть.

*Ни имени, ни громкой славы.
Но мы вдвоём в лесу пустом.
Мир выбирает вновь Варраву,
А мы останемся с Христом.
А мы останемся под ветром.
Сплелись, как ветки, ты и я
С вот этим Третьим — незаметным
Немым истоком бытия.
Немеем лес и крик немеем.
Но как пророчит немота!
Все носят крестики на шее,
А мы остались у Креста.
А мы не молим о спасенье.
Не ждём его, как чуда ждут.
Мы просто знаем: воскресенье
Есть самый тяжкий в мире труд.*

О Боге

З.А. Истинная вера в Бога невозможна без созерцания. Вера без созерцания есть омоним веры, а по сути — ее антоним... То, что знает сердце, не нуждается в удостоверении.

*Дух жизни всегда безымянный,
И как Его ни назови —
Есть тайна весенней поляны,
Есть таинство нашей любви.
И каждое сердца движенье,
И рост молодого листка
Есть таинство богослуженья.
И тайна сия велика.*

Г.П. Многие верующие до сих пор мыслят себе божественное вмешательство, опредмечивая его, воображая себе ангелов, вторгшихся в физический мир. Но в пространстве и времени самая большая помощь, которую может дать человеку Бог, — это воплотиться. Дать живой образец Того, кто восполнен, кому уже ничего для себя не надо, но всё-таки он не может отойти в «тело блаженства» (буддийский термин), пока есть на земле хоть один страдающий. Он знает, чувствует всем собой, что все мы — один, единый организм. Отдельность — иллюзия. Если в теле болит палец или даже ноготь — всему телу больно. И всё-таки где-то, в самой глубине скрыты целительные силы. Палец должен довериться этой глубине, идти навстречу слиянию с этими глубинными силами, чтобы остаться живой частью Тела.

Свобода наша может быть свободой ото всего, но не от Бога. Свобода от Бога есть смерть души.

*Я божий раб и нет раба покорней.
А вы свободны и гордитесь вы
свободой веток от ствола и корня,
свободой плеч от тяжкой головы.*

Г.П. Существует свобода воли. Бог входит только в душу, открывшую Ему двери. Бог сможет преодолеть раздор только вместе с нами, спасти человечество только вместе с нами, а не без нас... Мы призваны помогать Богу в этом, и с нашей помощью свет никогда не перестанет светить во тьме (хотя бы дурьей добротой). Наше стремление к божественной цельности — противовес разрушительным стихиям и демоническим веяниям.

З.М. В конце декабря 2001 года была передача с Гордоном. Нас возили на студию НТВ и полтора часа записывали разговор с нами. О предельных вопросах. Человек задаёт и задаёт Богу вопросы. Я сказала: пока задаём вопросы, ответов не будет. Надо понять, что мы призваны не вопрошать, а отвечать. Спрашивает Бог. С нас. Он дал всё. Всего Себя. Дал мир и нас самих. Дал способность быть соработниками, сотворцами. И обращаться надо не вовне, с вопросами к кому-то внешнему, а внутрь, в свою неведомую, неисследимую глубину. Когда мы поймём, что нам надо не спрашивать, а отвечать, начнётся иная жизнь.

*...На муку ада нет ответа,
На крик Христа ответа нет.
Но тот, кто смог остаться Светом,
Пройдя сквозь ад, — всему ответ.*

*Всему ответ — огонь священный,
Что в глубине глубин воскрес,
Наперекор природе тленной,
Отчаянью в противовес.*

Мир полон неразрешимых вопросов. Ад — реальность. Но душа может перерасти ад, вынести его и не погибнуть... Всё дело в том, чтобы уметь жить с раскрытой душой. Не прятаться от этого разверзшегося непонимаемого пространства, не заслоняться ни делами, ни водкой, ничем из этого бренного мира — жить под взглядом вечности.

*Меня учили вечности деревья.
Меня учили Богу облака.
Великий час безмолвья и безгнева,
Когда душа, как небо, глубока.
Не надо больше никакой награды —
Лишь только душу собери свою,
Ведь можно жить гораздо глубже ада
И очутиться невзначай в раю.*

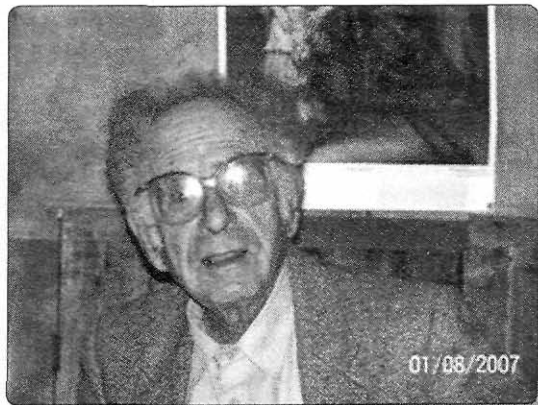
О духовной бесконечности и бесстрастии Духа

Г.П. Меня в 16 лет поразила тангенсоида, математическая кривая, которая уходит в бесконечность, а потом из нее вылезает. Так, кусок тригонометрии, никто не приходит в ужас. А я пришел. Потом узнал, что такой ужас испытывал Мартин Бубер. Я почувствовал, что мне не решить эту проблему, и отложил ее: вырасту-поумнею. А в 20 лет подряд читал Тютчева, Толстого, Достоевского и увидел, что все они ушиблены этим метафизическим страхом, паскалевским по происхождению. Тютчев прямо цитирует: «И ропщет мыслящий тростник». Это из Паскаля, у него есть такое известное утешение: человек слаб, как тростник, порыв ветра может его сломать, но этот тростник мыслит. И если вся вселенная на него обрушится, она не сможет отнять у него это преимущество.

Но все-таки это не совсем утешает: да, ты мыслишь, но вселенная способна тебя раздавить. А более глубокое чувство Паскаль пережил втайне, и это стало известно из записки, зашитой в подкладке его камзола. Он пережил некий огонь, чувство внутреннего света... Тут важны не идеи, а само это чувство, что в глубине сознания и сердца есть какая-то сила, не менее бесконечная, чем время и пространство. Чувство этой внутренней силы рождает метафизическое бесстрашие. Опираясь на него, можно вести себя смело и под огнем, и во многих ситуациях, требующих гражданского мужества.

Эта внутренняя духовная бесконечность как-то родственна тому, что мы называем Богом, Святым Духом. Я вспомнил о ней возле поселка, на который сыпались бомбы, и «хенкели» перестали меня страшить. Через две минуты я встал и пошел, куда нужно. И все.

З.М. Бесстрастие Духа... — это внутренний стержень, который Экхарт⁵ уподобил крюку, на котором крепится дверь. Страсти могут быть, и страдания могут расшатывать сердце, как вихри дверь. Но если дверь хорошо прикреплена к стержню-косяку, она не сорвется... Бесстрастие Духа — это сверхразумное знание, что душа больше любого страдания и самой смерти.

Г.П. Любовь и отрешенность — не две разные вещи, а две ипостаси, два аспекта одного духа, незыблемого в своей сердцевине и ранимого страстями в своих воплощениях. Как раним в своей второй ипостаси сам Бог. Не думаю, что человек должен быть неуязвимее Бога. Неуязвимость — соблазн, противоположный отчаянию, но ничуть не лучше его.

⁵ Экхарт Толле (нем. *Eckhart Tolle*; р. 1948 г.) — один из современных духовных учителей.

О религии

Евгений Ямбург⁶. Григорий Соломонович по своим религиозным воззрениям — суперэкуменист, т.е. человек, который видит и чувствует глубинную, сокровенную общность главных установлений всех мировых религий. Он, по его же слову, привык жить в пол-оборота на Восток. (Диссертацию по буддизму-дзэн в советское время диссиденту так и не дали защитить.) Прекрасно чувствуя себя в межконфессиональном пространстве, не боясь оторваться от перил богословия, он искренне убеждён, что Бог выше и глубже наших слов и разногласий, а на самой большой глубине мировые религии сплетаются корнями. У Зинаиды Александровны душа — христианка, что не мешает ей тонко чувствовать и переводить поэтов исламского суфизма, Рабиндраната Тагора и Рильке. Оба Дух ставят выше буквы [7].

З.М.

*И я уже не знаю ничего.
Я — чистый лист, я — белая страница.
И только от Дыханья Твоего
Здесь может буква зыбкая явиться.
Да, Ты её напишешь и сотрёшь,
И это — высший строй, а не разруха,
Ведь есть всего одна на свете ложь:
Упорство буквы перед властью духа.*

Истинно религиозный путь — это раскрытие внутреннего глаза, это не спор об Истине, а развитие сердечного внимания, растущее затихание, в котором начинает звучать то, что вовне не слышно. Духовная Истина не очевидна, но она внутренне бесспорна. Однако вся история человечества, человеческой мысли, а заодно и история Церкви, есть история бесконечных споров, рассекающих истину на куски... Вечный спор о том, кто прав.

Г.С. Религия является исторически необходимой формой, но нуждающейся в глубокой реформе. Религиозные догмы, как правило, возникли на другом уровне сознания и науки, и Антоний Сурожский⁷ уже искал новый язык. Когда он говорил: «Грех — это потеря контакта с собственной глубиной» — это язык, понятный каждому электротехнику. Так что глубинные истины могут быть высказаны современным простым языком без нагромождения фальши.

Антоний Сурожский очень доходчиво излагает то, что он понял как суть христианства. Может быть, не все знают, сам он начал с момента преобразования, который пережил мальчишкой в 15-16 лет. Он был тогда убежденным атеистом, жизнь в эмиграции была ужасной, очень тяжелой, его в школе били, унижали. И он готовился к тому, чтобы участвовать в вооруженной организации, которая когда-нибудь свергнет советскую власть. Жил он в Париже, где можно было свободно этим заниматься. И вот к

⁶ Евгений Александрович Ямбург (р. 1951 г.) — доктор педагогических наук, заслуженный учитель РФ, директор Московского центра образования № 109.

⁷ Митрополит Сурожский Антоний (в миру — Андрей Борисович Блум (Bloom); «Сурожский» — по названию Сурожской епархии; 1914-2003) — православный епископ, философ, проповедник.

ним пришел проповедник и начал что-то рассказывать, что ему страшно не понравилось, о смирении и т.д. И тогда он, придя домой, решил взять Евангелие и посмотреть, неужели там такая чепуха, какую говорит этот человек. Между прочим, этим человеком был Сергей Булгаков. Чтобы не читать слишком долго, Андрей (он тогда был Андреем, это он потом стал Антонием) взял Евангелие и посмотрел, которое короче. Самым коротким было Евангелие от Марка. Он решил, что хватит ему и одно прочитать. Начал читать и между первой и третьей главой он пережил присутствие Христа рядом с собой. Оглядывается — ничего нет. Впоследствии, не так давно, уже в последние годы его жизни, к нему привели одного мальчика, который сказал, что видел Христа. Он спросил: «Где ты его видел, здесь, здесь или здесь?», показав вверх, вперед и на собственную грудь. Мальчик показал на сердце. «Ну, тогда правда ты его видел».

З.М. Как известно, имя библейского Бога — Яхве — означает Сушый. Без каких бы то ни было эпитетов. Сущность бытия. Встреча с Сущим может произойти, только когда отброшено все несущественное, не-су-щее, созданное нами самими, а не той непостижимой силой, которая создала жизнь, создала нас. Момент такой встречи и есть мистическое (т.е. таинственное) начало всякой религии. Это может случиться со всяким человеком, которого какой-то могучий ветер вдруг вырвет из привычного, обыденного, поверхностного и поставит перед вечными вопросами: откуда мы явились? Где мы были до дня рождения, зачатия? Куда мы уйдем? Зачем мы проделываем наш жизненный путь? Кто мы, наконец? Какого мы рода? И он может обезуметь или в испуге отшатнуться от обступившей его Бесконечности. Но он может и преодолеть свой испуг, дать своему сердцу раскрыться, углубиться и со священным трепетом почувствовать свое родство с Бесконечностью.

Здесь начало всякого истинно религиозного чувства. Безграничное доверие Любви. Доверяю, потому что люблю. Доверяю, потому что чувствую свою неотделимость от той не постижимой умом Огромности, которая стала моей внутренней Бесконечностью.

Прошли века, и откровение этой Тайны обросло священными книгами, храмами, обрядами. Возникли культы и вокруг них вся культура Средиземноморья, всех примыкающих к нему стран. Но постепенно культуры разбежались, раздробились, и религия (а слово это означает «связь») сегодня не столько связывает, сколько раздробляет, разъединяет и заставляет враждовать народы.

Я ни в коем случае не стою за упразднение традиций, за отрицание культов, таинств, обрядов. Нет! Это наше богатство. Я только за установление истинной иерархии. За то, чтобы все сотворенное человеком поставить на второе место перед сотворенным Богом. Все формы, все буквы должны склониться перед Духом живым, перед тем несказанным, неоформленным, из которого возникают все формы.

Г.П. Каждая мировая религия — колодец в глубину, где горит вечно живой огонь. Но за тысячи прошедших лет колодцы стали самостоятельными святынями, более важными, чем сама глубина, и символами соперничества... Я примкнул бы к вероисповеданию, которое скажет: мы все неудачники. Мы

не преобразили мира. Но вы тоже не преобразили его. Не будем спорить, кто лучше, мы все хуже, и все становимся ещё хуже, когда воображаем себя лучше. Будем учиться друг у друга и вместе вытаскивать мир из беды.

З.М.

*Нет, истина рождается не в споре.
Не нужен Богу наш словесный бой.
Лес вечно прав и вечно право море,
Все небо охватившее собой.
И я, когда душе, как в небе, вольно,
И я, когда забылась меж ветвей, —
С меня их вечной правоты довольно,
И нету нужды думать о своей.*

Мы становимся тем, что (кого) мы любим. Это самый таинственный и обнадёживающий духовный закон. Любящий Христа, любящий святого, становится подобным им.

Г.П. Христос не чему-то учил. Главное, что Он сказал: будьте подобны мне, как я — Отцу... Он свято почитал Моисея и смело отступал от него всякий раз, когда буква традиции становилась нравственным абсурдом.

З.М. Христос говорил, что Он пришёл не нарушить закон Моисеев, а исполнить его. Вместе с тем, Его распяли именно за то, что Он нарушал. И всё-таки не нарушал. Он нарушал внешние правила во имя внутренней правды.

*Как трудно божественной силе!
О, Боже, опять и опять
мы, люди, Тебя победили.
Тебя ведь нельзя побеждать.
Твоих победителей много.
А Ты — одинокий изгой.
И все победители Бога
Спешат Его сделать слугой.*

*Но только служить Ты не станешь.
А, сбросив свой зримый покров,
Ответишь великим молчаньем
На наш несмолкающий зов.*

Г.П. Глубина любой великой религии ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности. Различие языков и образов религиозного опыта не может быть устранено, оно неотделимо от различия культур, от многоцветности мира. Диалог не стирает этого многоцветия. Но он ведет в глубину, где все различия смотрятся как преломления единого луча внутреннего света, озарившего мир в древности и давшего силу становлению культурных миров, тяготеющих к глобальности и оставшихся субглобальными только из-за древней непреодолимости океанов и пустынь.

Сегодня надо продолжить начатое и заново увидеть мир как духовное целое. Увидев, мы его создадим.

О терроризме

Г.П. События 11 сентября 2001 года расширили фронтную полосу на всю землю; но опять люди разделились: для одних просто упали два дома (правда, очень высокие), для других начала рушиться цивилизация... Не все заметили, что в середине XX века круто изменился характер террора. Две с половиной тысячи лет он сохранял свои основные черты. В борьбе за свободу считалось прекрасным убить тирана. Террористы не целили в обывателей. Обыватель мог спать спокойно.

Потом всё переменялось. Кажется, повлиял пример тотального государственного террора. Тоталитарное государство перестало судить (хотя бы военным судом) и казнить за преступления, оно стало просто уничтожать целые категории людей.

Я не помню, кто начал, примерно в 1968 году: Кон-Бедит в Германии, «Красные бригады» в Италии или «Красная армия» в Японии. И как это сочетается по времени с движением мау-мау в Кении, ирландских католиков в Белфасте, басков в Испании и, наконец, палестинцев. Эпидемия мгновенно распространилась по нескольким регионам.

Глобальные и национальные движения следовали одной морали (или антиморали): все обыватели виновны, нет невинных. На Ближнем Востоке был создан питательный бульон, в котором бактерии новой разновидности террора размножились и окрепли. Ислам здесь сперва был почти не при чём. Первая волна палестинских террористов — интеллигенты (или полунинтеллигенты), получившие образование на средства ООН. Для террора нужна образованность. Террор — естественная реакция стороны, проигравшей на поле боя или не способной к полевой войне, но не смилившейся.

Достоевский где-то в «Дневнике» обмолвился, что папа еще сойдёт когда-нибудь со своего престола и станет революционером... На Ближнем Востоке мы получили то, что Достоевскому мерещилось, — соединение веры с глобальным террором. 11 сентября это чудовище вышло на мировую арену.

Такова проблема. Выход из абсурда — только устранение питомников ненависти.

Первый питомник — лагеря беженцев... Их спровоцировали по радио бросать свои дворы, чтобы не мешать армиям Египта, Сирии, Ливана, Иордании и Ирака громить и жечь израильтян. Но отряды израильской самообороны победили. Лидеры, спровоцировавшие войну, умыли руки и оставили беженцев на попечение ООН, план которой — план мирного раздела — они отвергли. И платят за это не они, а беженцы. А лидеры используют их нужду в своей борьбе за господство... Беженцы должны получить право гражданства в любой арабской стране, по своему выбору.

Второй питомник — положение Иерусалима... Обетованная земля евреев стала святой землей христиан, а потом еще святой землей раннего ислама и местом, с которого Мохаммед вознесся в небо. Еще в 1948 году было высказано предложение превратить этот город в мировой центр, независимый от национальных правительств. Потом это предложение было повторено Павлом VI в 1967 году. Израиль отверг его как практически невыполнимое. Сегодня оно еще более невыполнимо. И тем не менее, я не вижу другого мирного выхода. Одним из толчков к мирному решению остается вероятность общей катастрофы, а не победы одной стороны ближневосточного конфликта... Выход здесь — только через чудо, через примирение трёх сестёр-ненавистниц, трёх религий, возненавидевших друг друга в борьбе за владение вечной истиной. Без согласия каждой на второе место не может быть распутан иерусалимский клубок, наполняющий эфир аурой своих конвульсий. Религии стали дубинками, которыми политики бьют друг друга по голове. Ближневосточный детонатор взрывает во всём мире бомбы глобального террора. И нет спасения, если в каждом исповедании религия любви не победит религию ненависти.

О выходе из тупика

Г.П. Мы живем во власти бурь, потому что живём мелко, и сами наши страсти, взрывы ненависти, губящие миллионы людей, — духовное ничто, овладевшее массами и ставшее материальной силой, силой пустоты, в которую проваливаются города и целые страны...

Величайшую опасность для нашей цивилизации представляет не угроза извне, а она сама, инерция её развития, близко подошедшего к распаду. Если Запад останется постхристианским, посмодернистским, вялым, скептическим, ищущим наслаждений и садящимся на иглу — финансово-техническое могущество не спасёт. И бесполезно тратить миллиарды на противоракетную защиту. Нужно другое: внутреннее преобразование и открытость диалогу.

Диалог — это не просто терпимость, уживчивость. Это понимание, что есть не только один, западный путь развития, есть четыре проекта глобального устройства, в каждом из которых свой отблеск истины, и путь к выходу из экологического и духовного тупика — диалог с великими культурными мирами Востока... В будущее плывет эскадра из четырех великих кораблей, четырех культурных миров: Запад, ислам, Индия (с примыкающими к ней страна-

ми) и Дальний Восток. Технический перевес Запада не дает ему морального права хозяйничать в чужом доме, в чужом духовном пространстве...

Томас Мертон⁸, после разговора с Дайзэцу Судзуки⁹, писал, что — при всем великом значении, которое имеет различие традиций, — есть нечто, связывающее католического монаха с дзэнским старцем в общину созерцателей, противостоящую «нашим соотечественникам, ведущим агрессивно несозерцательный образ жизни» (из предисловия к книге «Mystics and Zen masters»).

...Невозможно свершить поворот круто, сразу. Но вполне мыслимо постепенно вращивать в суету дел и развлечений паузу созерцания, паузу тишины... Человек теряет потребность вглядываться в собственную глубину, привыкает к жизни на поверхности... Вся эта телевизионная псевдокультура — бывают исключения, сразу оговорюсь — приучает человека не вглядываться в себя, не задумываться о чем-то глубоком. Отрывает его от глубины, приучает его жить в постоянном шуме, и люди так привыкают к этому шуму, что пойти гулять не могут без того, чтобы не заткнуть в уши от плеера какой-нибудь там-там-там. То есть возвращаются в эстетическом отношении... Чтобы вслушаться в глубину, надо приучиться жить в тишине, в созерцании. Это можно научиться делать без всяких богослужебных книг. Как сказал князь Мышкин «разве можно видеть дерево и не быть счастливым?»... Только в тишине созерцания исчезает запутанность в частности, мир видится в целом и становится яснее, куда идти. Это можно воспитывать в детском саду, в первых классах школы, углублять в философии и искусстве... Отрешенность и созерцание должны стать частью одного большого ритма жизни. Какой-то минимум тишины необходимо вернуть каждому человеку, иначе человечество не найдёт выхода из современной запутанности и погибнет в серии конфликтов.

З.М.

*Бог нашей суетою оглушён,
А дьявол — этой полной тишиною...*

Можно было бы продолжать и продолжать этот диалог... Поэт и Философ обнажают перед нашим внутренним взором нашу глубинную нравственную основу, поднимают нас над нашей повседневностью и поверхностностью. Они дарят нам не только свое сердце и свой ум, но и То, что за ними стоит.

Борис Чичибабин писал в стихотворении «Зине Миркиной»:

*...Не Вы ли нам открыли свет глубин,
Что есть во всех, но лишь немногим ведом,
И озарили тем блаженным светом
Искус и мрак безжизненных годин?.. [8]*

⁸ Томас Мертон (англ. *Thomas Merton*) (1915-1968) — американский поэт, монах и богослов.

⁹ Дайзэцу (Дайзэцу) Судзуки (1870-1966), японец, крупнейший теоретик дзен-буддизма.

«Зинаида Александровна рассказала в одном из писем, какая у неё есть любимая молитва, а я принял её на всю жизнь как самый дорогой подарок, как святой дар. Молитва эта такая: «Господи, как легко с Тобой, как тяжело без Тебя. Да будет воля Твоя, а не моя, Господи!» [1].

Дар Г. С. Померанца — в тех идеях, которые доносит он до сознания людей и которые игумен Вениамин (Новик)¹⁰ кратко сформулировал так:

«Самостоянье» личности в религии и культуре, путь вглубь себя взамен растворения в массе — таков предложенный Померанцем выход из духовных и политических кризисов современности» [9].

И о даре обоих очень ёмко сказал Евгений Ямбург:

«В эпоху безвременья, хаоса, смуты в головах и сердцах, когда мысли вразброд, а чувства растрепаны, стоит присмотреться к людям искушённым, отмеченным редким даром сотворчества с Вечностью. Зинаида Миркина и Григорий Померанц, безусловно, из этой когорты» [7].

Литература:

1. Чичибабин Б.А. Мысли о главном // Борис Чичибабин в стихах и прозе. — Х., 1993. — С. 5-23.
2. Елисеева И.И. Свой голос // Околиц@. — Верхняя Пышма (Россия), 2007. — Окт. (№ 5). — С. 1-2.
3. Хабинский А. [Предисловие] // Миркина З.А. Мои затишья: избранные стихи 1994-1998. — СПб., 1999. — С. 6.
4. Шрейдер Ю. Свет глубин: Духовная поэзия Зинаиды Миркиной // Литературное обозрение. — 1990. — № 11. — С. 43-45.
5. Сахаров А.Д. Воспоминания: в 2 т. Т.1. — М., 1996. — С. 422-423.
6. Игрунов В.В. Григорий Соломонович Померанц. — Режим доступа: <http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/pomerants/>.
7. Ямбург Е. А все-таки оно есть. Методология счастья: О поэтессе Зинаиде Миркиной и философе Григории Померанце // Померанц Г.С. Невидимый противовес: лекции, прочитанные на рубеже веков / Г. С. Померанц, З. А. Миркина. — М., 2005. — С. 5-16.
8. Чичибабин Б. А. Зине Миркиной // Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. — Х., 1998. — С. 280-281.
9. Игумен Вениамин (Новик). Мудрец среди нас: [к 90-летию философа Г. С. Померанца] // Звезда. — 2008. — № 3. — С. 131-136.
10. В статье также использованы статьи о Г. С. Померанце в кн.: Алексеев П.В. Философы России XIX — XX столетий. Биографии, идеи, труды. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2002. — С. 771-772; Всемирная энциклопедия: Философия. — М., 2001. — С. 798; Писатели России: Автобиографии современников. — М., 1998. — С. 364-369 с фото; книги З.А. Миркиной и Г.С. Померанца; материалы персонального сайта Григория Померанца и Зинаиды Миркиной (pomerantz.ru) и др.

Светлана ЗАЙЦЕВА
ХАРЬКОВ

¹⁰ Игумен Вениамин (Новик) (Валерий Николаевич Новик, р. 1946 г.) — православный деятель.